

|| с е м е й н ы й д е т е к т и в ||

Марина
БОЛДОВА

Кольцо
блаженной
Августины

Издательство АСТ
Москва

Самуил Бенц смотрел на дочь: «Блаженная... Как же не вовремя я оставляю тебя». Поиск решения, кому бы он мог доверить опеку над девочкой, мучил его с того дня, как он узнал о неутешительном диагнозе. Собственно, родственников было двое — родная сестра Алла и ее муж Иосиф Биргер. Легкомыслие первой вызывало опасения, что дочь останется без должной заботы. Иосиф мог бы ей стать близким человеком, но был столь же далек от земной жизни, сколь и звезды, кои изучал. В браке с Аллочкой он пребывал более десяти лет, племянницу же до недавнего времени никак не мог запомнить ни внешне, ни по имени. «Кто это у нас тут такой хорошенький?» — вопрошал он при очередном визите, отрешенно глядя поверх ее головы и протягивая игрушку. «Я — Августина Бенц, ваша племянница!» — каждый раз заученно отвечала его, Самуила, дочь, глядя таким же отрешенным взглядом в сторону.

«Нет, теперь, когда все узнал, Иосиф не посмеет оставить ее без помощи, да и Алла, возможно, проникнется заботой не только о муже, но и о ребенке. А присмотреть за ними я попрошу Лилию», — подумал он о подруге детства, которой доверял как никому.

От раздумий его отвлекла мелодия дверного звонка.

— Авгуша, открой. Верно, доктор пожаловал. Что-то раненько он сегодня.

— Да, папа. — Августина отложила в сторону книгу...

Самуил смотрел на человека, своей массивной фигурой закрывшего дверной проем, с ужасом.

— Где кольцо, учитель? Оно по праву должно принадлежать мне! — Гость сделал шаг к постели Бенца.

— Да, но оно у...

— Только не нужно врать, я все знаю! — зло перебил его тот и сделал еще шаг.

— Откуда? — прошептал Самуил и попытался сесть.

— Не столь важно, — усмехнулся гость в ответ. — Вы надеялись, что никто не узнает, как оно к вам попало? Отдайте кольцо мне по-хорошему, и я уйду. Что с вами?! Нет! Ну, нет же! Только не сейчас!

Самуил видел, как молодой человек в отчаянии сжал кулаки, словно готовясь ударить его. Но это было уже неважно. Он перевел взгляд на дочь. Чувствуя, что умирает, теряя остатки сил, попытался сказать Августине прощальные слова. Сознание путалось, Самуил уже смутно различал силуэты дочери и гостя. Скоро и они растворились в белой пелене. Последним мелькнул все тот же страх за девочку.

* * *

— Ты точно как всегда. — Мужчина усмехнулся и, осмотревшись вокруг, присел на скамейку рядом с молодой женщиной. — А ребенок зачем? Или ты хочешь, чтобы я...

— Не успела в садик отвести, — пролепетала та в ответ, пытаясь отодвинуться. — Там, на детской площадке, присмотрят. Я же недолго, правда?

— От тебя будет зависеть! Нашла? — Он обнял ее за плечи, притянул к себе и поцеловал в висок. — Что ты дрожишь, боишься, что ли? Глупышка... я же тебя люблю! Ну, давай!

— Ты обещал рассказать, зачем тебе это кольцо? И ты точно уедешь? Ты обещал... — Она полезла в карман куртки, но руку обратно доставать не спешила.

— Хватит! Если расскажу, ты передумаешь! Ты же не совсем дура! — грубо перебил мужчина, дергая ее за руку. — Черт! Где кольцо? Ты что, обмануть меня решила?!

Он резко оттолкнул ее, вскочил со скамейки и встал напротив.

— И даже не думай! — Он с размаху ударил ее по лицу левой рукой. Женщина вдруг схватилась за голову и стала заваливаться на бок. Не издав больше ни звука, упала на сиденье скамьи и замерла.

Мужчина схватил ее запястье. Видимо, так и не поняв, есть ли пульс, резко отбросил руку в сторону. «Вот дура! Ну не дура ли?» — тихо произнес он, обыскивая женщину. Наконец, обнаружив во внутреннем кармане куртки бархатную коробочку, удовлетворенно улыбнулся.

— Еще ребенка привела... — еще раз повторил он, быстро шагая прочь.

Он не услышал тихого детского плача, доносившегося из ближних кустов. И не видел, что как только он свернул на боковую аллею, маленький мальчик подбежал к женщине и стал громко звать на помощь.

Глава 1

В квартире пахло сыростью, майор Игорь Калашин никак не мог понять, откуда в жилом помещении такой спертый воздух — как в подвале. Что, хозяева совсем не ухаживают за собственным жильем?

Вызов на труп застал его в дверях кабинета: майор должен был уйти раньше, еле выпросил на завтра выходной, чтобы выполнить давнее обещание бывшему начальнику — привезти с трассы корзину опят, что продают грибники, едва выйдя из леса. Игорь ездил сегодня в соседнюю Ульяновскую область, на обратном пути купил два лукошка грибов, по пути завернул на сельский базарчик и взял еще пару банок соленых. Вернувшись в контору как раз в обед, удержаться не смог, ополовинив одну банку с краюшкой серого. Запив сладким чаем и припрятав оставшееся лакомство в сейф, направился на доклад к полковнику.

Банка так и осталась в сейфе, оба лукошка — в багажнике, а он, майор Калашин, стоит сейчас тут и принюхивается к чужим квартирным запахам.

Игорь прошел в комнату, взглядом скользнул по телу на полу и, задрвав голову, посмотрел на потолок — вокруг старого светильника на пять рожков расплзлось свежее мокрое пятно. «Понятно, трубу прорвало на чер-

даке — полным ходом идет подготовка к отопительному сезону», — с легким сарказмом подумал он, опуская взгляд к полу.

— Кто обнаружил тело? — Калашин решил, что этот мертвый молодой мужчина с пробитой головой напоминает ему какого-то сериального актера, фамилию которого он не вспомнит точно — такая плохая память была у него на имена и фамилии. Запомнить ряд цифр, штук так десять — пожалуйста, номер машины — без проблем, но буквы... «Нерусь ты, братец!» — смеялась над ним сестра Ольга, а он в ответ лишь виновато улыбался. Ну, такой вот недостаток, что ж...

— Приходящая домработница, — прокашлявшись, ответил участковый.

— Документы? — Калашин, заметив, что тот открывает папку, кивнул на труп и требовательно протянул руку.

— Загранпаспорт. Изъял из правого верхнего ящика комода. Паспорт был упакован в полиэтиленовую пленку, обмотано было скотчем.

— Был... было... Вскрыли зачем? — Игорь бросил неприязненный взгляд на объемную фигуру участкового.

— Что вскрыл? — задал тот встречный вопрос, глядя на него исподлобья.

«Тупит. Или... время тянет? Сверточек размотал не без цели? Если так, то не факт, что в пленке находился лишь документ. А что еще?» — Игорь оглянулся в поисках остатков упаковки.

— Где пленка, скотч? Мне вам, Куценко, напомнить, что до приезда опергруппы ничего на месте преступления трогать нельзя? — не удержался он от «наезда», до того неприятен был ему этот загорелый, плотный мужик.

Единственная жалоба в райотдел на участкового Куценко Остапа Петровича за время службы того (год

с небольшим) поступила буквально вчера. Калашин узнал об этом от следователя райотдела, который и передал ему заявление по факсу. Документ был составлен грамотно, но эмоционально, и Калашин между строк уловил неподдельный страх. А прочтя фамилию в конце текста, тут же поднял анкетные данные женщины и понял — нет, не кляуза. В двадцать шесть лет, будучи матерью пятилетнего ребенка, имея кандидатскую степень по биологии, паниковать без оснований не станешь. Задело же Августину Самуиловну Бенц грубое обращение участкового с ней и сыном во время визита к ним в квартиру. Если коротко — бесцеремонное вторжение Куценко без повода и хамски наглое «А что, нельзя?» заставили ее насторожиться. А при напоминании, что осматривать частную собственность тот может только с санкции прокурора, Куценко лишь «отодвинул» женщину в сторону «огромной ручищей» (вот они, эмоции) и «продолжил продвигаться» в глубь квартиры. По пути зачем-то постучав по кирпичам старинной печки, «один бок которой выступает в просторный холл», заглянув на антресоли («складная лестница стоит тут же в нише») и кладовку. Игравший на полу детской ребенок был «грубым движением ноги в ботинке задвинут в угол», а ее, Августины Самуиловны, возмущенный возглас прерван насмешливым: «Успокойся, мамаша, ничего с ним не случится! Пацан же!» Перепуганного сына она взяла на руки и «решительно указала» хаму на дверь.

Только через некоторое время, успокоившись, Августина Самуиловна вспомнила, что удостоверение толком не рассматривала, фамилию запомнила, но в отделение полиции, как советуют сами же «органы» при возникших сомнениях, не позвонила. Получается, впустила чужого мужчину к себе в квартиру добровольно.

Позже выяснив, что визитер в действительности местный участковый, испугалась, что тот вернется еще не раз (на законных-то основаниях), и написала жалобу.

Как-то так. Очень подробно.

Калашин улыбнулся бы, если б не одно обстоятельство — пятикомнатная квартира в особняке постройки девятнадцатого века, принадлежавшая еще отцу Августины Самуилу Бенцу, ювелиру, на рынке недвижимости оценивалась неприлично высоко. Одинокая женщина с малолетним сыном для «черных» риелторов препятствие вполне устранимое, участковый мог быть в деле. Калашин, собственно, и заинтересовался действиями участкового потому, что в соседнем районе за последние полгода пропали бесследно несколько владельцев дорогих квартир.

Он вчера решил, что зайдет к женщине после службы, все равно дома никто не ждал. Временная (как считал он) подруга Светлана, обладательница пронзительно тонкого голоса и веселых светлых куделек, отбыла в Анапу в свой законный отпуск от службы в банке, не на шутку обидевшись на него, отказавшего ей в сопровождении. Это случилось пять дней назад, до сих пор ни одного звонка от нее не поступило. Калашин был этим обстоятельством крайне доволен. Ему казалось, что отношения с женщиной слишком уж затянулись, настала пора как-то расставаться, ладно бы что-то связывало их, кроме торопливого секса перед сном. Но сама Светлана уходить от него не собиралась, более того, в последнее время часто поднимала вопрос о сдаче ее собственной квартиры внаем, мотивируя тем, что зарабатывают оба мало, и «семейному» бюджету лишние рубли не помешают. Этому Калашин решительно противился, не боясь резких слов и повышая голос. Но подруга упорно

вела его к идее совместного проживания, применяя то силу слез, то навязчивую ласку.

Теперь же, после затянувшегося молчания, Игорь очень надеялся, что разойдутся они мирно, безболезненно для обеих сторон и останутся друзьями.

Ох, как не любил он громкие разборки! Со времен своего развода с женой ненавидел! Так тяжело ему далось расставание с любимой целую жизнь женщиной, так мучительно-больно становилось от воспоминаний о ней до сих пор... Это была какая-то другая жизнь, возможно в другой параллели, где они встретились случайно, тут же поняв, что нашлись половинки целого, он и она, в мгновение прилепились друг к другу намертво, не оторвать. Долгие шесть лет блаженного неведения... А потом произошло убийство. Она, любимая, родная до дрожащей слезинки в уголке глаз, нежная и страстная, понимающая с полувзгляда, убила его своей ложью. Тем, что случилось при нем, но в другой параллели, сколько еще этих параллельных жизней существует, так их! Кто там в математике доказал, что не пересекаются они? У него, Калашина, пересеклись, перепутались в паутину лицемерия и откровенной лжи...

Вчера он не застал Августину Бенц дома. Стоял перед дубовой двустворчатой дверью долго, названивая в старинный звонок. Догадавшись, наконец, достать листок с жалобой из папки, заглянуть в конец текста, где значился номер мобильного телефона, Калашин набрал цифры на своем. Мелодия была слышна четко, но дверь так никто и не открыл. Тогда Калашин решил, что дамочка просто забыла мобильник в прихожей, а сама ушла, например, погулять с ребенком.

Уже спустившись на пару ступенек, вдруг остановился. Чертова память, не выдавшая ему никаких ассо-

циаций с фамилией Бенц, зацепилась за номер квартиры, выбитый на медной фигурной пластинке. «Шесть»! Две тысячи шестой год, маленькая девочка с застывшим в горе лицом возле постели мертвого отца Самуила Бенца. Девочка назвалась Августиной! Его, следователя Калашина, первое дело, провальное с самого начала. Естественная смерть больного, в которую он не хотел верить, пытаясь найти спровоцировавшие ее причины. Он раздражал начальство своими домыслами, добивался разговора с девочкой, пусть в присутствии психолога. Все было напрасно.

Калашин позорно забыл ее, Августину, уже на следующей неделе с головой погрязнув в собственном горе — так он расценивал свой развод. Казалось важным лишь это, что там смерть какого-то ювелира и оставшаяся сирота! Когда же закончились все суды и разборки с бывшей женой, он подал рапорт об увольнении. Но ему отказали, направив на службу в другой город.

Вернулся лишь через десять лет. Быстро продав старую родительскую квартиру, отдал половину денег сестре, на остальные приобрел жилье в новостройке. В этой параллели после две тысячи шестого года были лишь работа и случайные женщины. Работа стала смыслом жизни, порой не оставляя времени на личные отношения. «Ты себя убиваешь на службе! Когда же ты, наконец, забудешь прошлое?» — вопрошала Ольга, глядя на него, старшего брата, с материнской жалостью. Ответа у него не было...

Сейчас, ожидая от Куценко оправданий, Калашин вдруг связал воедино давнюю смерть ювелира и нынешнюю жалобу его дочери на участкового...

— Я все выбросил в мусорное ведро! — выдернул его из размышлений низкий голос.

— Пройдемте, — Калашин кивком головы указал на кухонную дверь.

— Мне в мусоре копать? — зло бросил тот, подчиняясь.

Куценко открыл дверцу шкафчика под мойкой, вытянул из ведра пластиковый черный пакет и двумя пальцами достал разорванную упаковку.

Даже без экспертизы было ясно, что кроме документа в свертке находилось еще что-то, имеющее объем. Калашину стало противно. «Падальщик! Мародер!» — мелькнула брезгливая мысль.

— Пишите объяснительную, Куценко. Подробно. И не забудьте указать, что конкретно вы изъяли из свертка и где этот предмет сейчас находится.

Глава 2

Алла смотрела на мужа и не узнавала его. Сколько эмоций! За почти двадцать лет брака выражение лица Иосифа Биргера, звездочета и великого (по мнению многих) предсказателя-астролога, становилось живым, взгляд — сконцентрированным и осмысленным считанное количество раз. Впервые это случилось в тот день, когда студентка третьего курса физмата Аллочка Бенц после лекции, дождавшись, пока опустеет аудитория, объявила влюбленному в нее преподавателю математики, что завтра, нет — сегодня они идут подавать заявление в загс. Ося, как ласково называла она его в минуты близости, посмотрев на нее пристально, вдруг широко улыбнулся, затем приподнял над полом, что при его росте и тогдашнем весе (тщедушен был, да...) стои-

ло ему немалых усилий, и закружил. Остановившись и отдышавшись, он не спешил отпускать ее. Они чуть было не упали вместе на затоптанный студенческими башмаками пол аудитории, но Алла успела ухватиться за край кафедры и удержать равновесие их нестойкой парной композиции.

Всю последующую часть суток Аллочка с изумлением и некоторым испугом наблюдала за будущим мужем, уже сомневаясь в правильности выбора. Ося был суетлив и нервно подвижен, не мог усидеть на одном месте более пяти минут, вскакивал, выкрикивая при этом непонятные слова. К вечеру, когда пришла пора укладываться в постель, немного успокоился. «Ты не забудешь, что нельзя будет изменить дату свадьбы? Не забудешь?» — спрашивал он, приподнимаясь на локте и пытливо заглядывая в глаза. «Нет, Ося!» — в который раз отвечала она с раздражением, не понимая, почему ему так важна эта дата — седьмое декабря.

Именно тогда она узнала, что Иосиф Биргер тайно ото всех изучает астрологию и практикуется в предсказаниях, составляя гороскопы. Высчитав заранее дату начала безупречной семейной жизни, он собирался сделать Аллочке предложение в ближайшее время, но она его опередила, определив тем самым лидирующую позицию в их будущем союзе. Успокоившись — не все так страшно с неожиданными эмоциями, Алла наутро кормила завтраком уже прежнего привычного Осю, погруженного в свои мысли. Ох, как любила она это его состояние оторванности от мира, загадочное, спокойное — отрешенное. Он становился беззащитно трогательным, Аллочка чувствовала себя причастной к его гениальным (не меньше!) мыслям, даже не пытаясь вернуть мужа к реальной жизни и бытовым проблемам.